

Такая тишь, что воздух стынет,
 Дорога кажется грустней.
 Остановлюсь – бескрайней синью
 Плынут проталины полей.

Вздохну – увижу небо рядом,
 Шагну – и эхо задрожит.
 И то ли к раю, то ли к аду
 Идёт несбывшаяся жизнь.

В неуютность дороги мой день уходил,
 Он казался пока ещё незавершённым,
 И стояли столбы, как кресты у могил,
 И чадила земля перламутрово-чёрным...
 Облака затянули кадильную пыль,
 Полегли у обочин их грозные тени.
 Я себя ощущала в начале пути,
 На котором все ангелы окаменели...
 Эта зыбкость момента, бумажная дрожь...
 Не такая, как все, – я к себе уезжаю.
 И, как тот во дворе замерзающий бомж,
 Возвращаюсь туда, где меня и не ждали...

Колыбельная для бродячей собаки

Потише, я прошу – собака спит,
 Найдя приют у старого забора.
 Во сне с дворнягой кто-то говорит
 Без гнева и ехидного укора...

Ей снится придорожная трава,
 Забытый миг щенячьего азарта,
 И ласковые, тёплые слова,
 И лето снится ей в начале марта.

Бездомная, она искала кров,
 Слоняясь по развалинам, подвалам...
 Казалось, каждый встречный был готов
 Ударить по её уставшим лапам.

Собака спит! Качают небеса
 Бродячий сон, заметный еле-еле...
 И плачут её добрые глаза,
 И целый мир у этой колыбели.